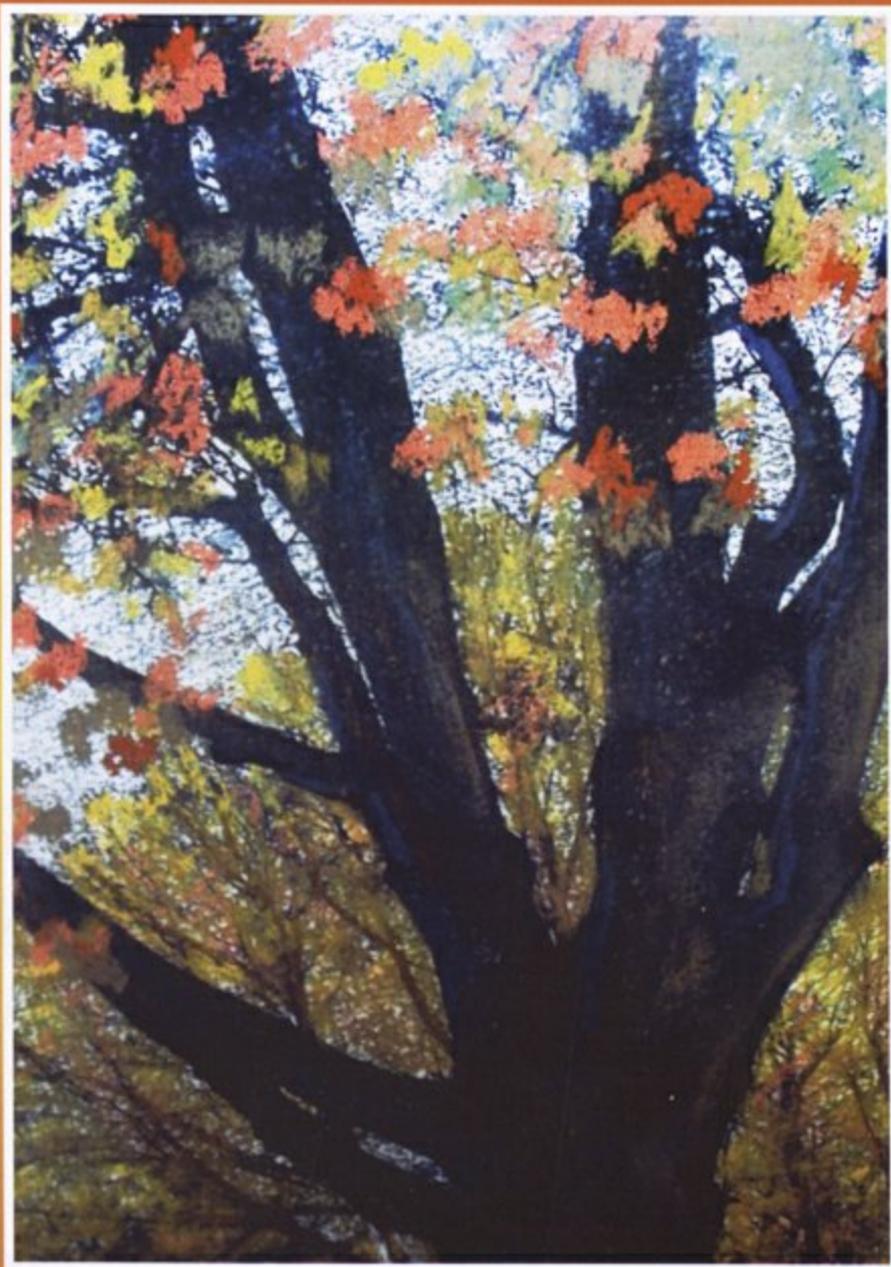

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ТУРГЕНЕВ. МЦЕНСКИЙ КРАЙ – ЖЕМЧУЖИНА ОРЛОВЩИНЫ

Орёл – 2016

Леонард Золотарёв

**ТУРГЕНЕВ.
МЦЕНСКИЙ КРАЙ –
ЖЕМЧУЖИНА ОРЛОВЩИНЫ**

ФОТОКНИГА

Орёл – 2016

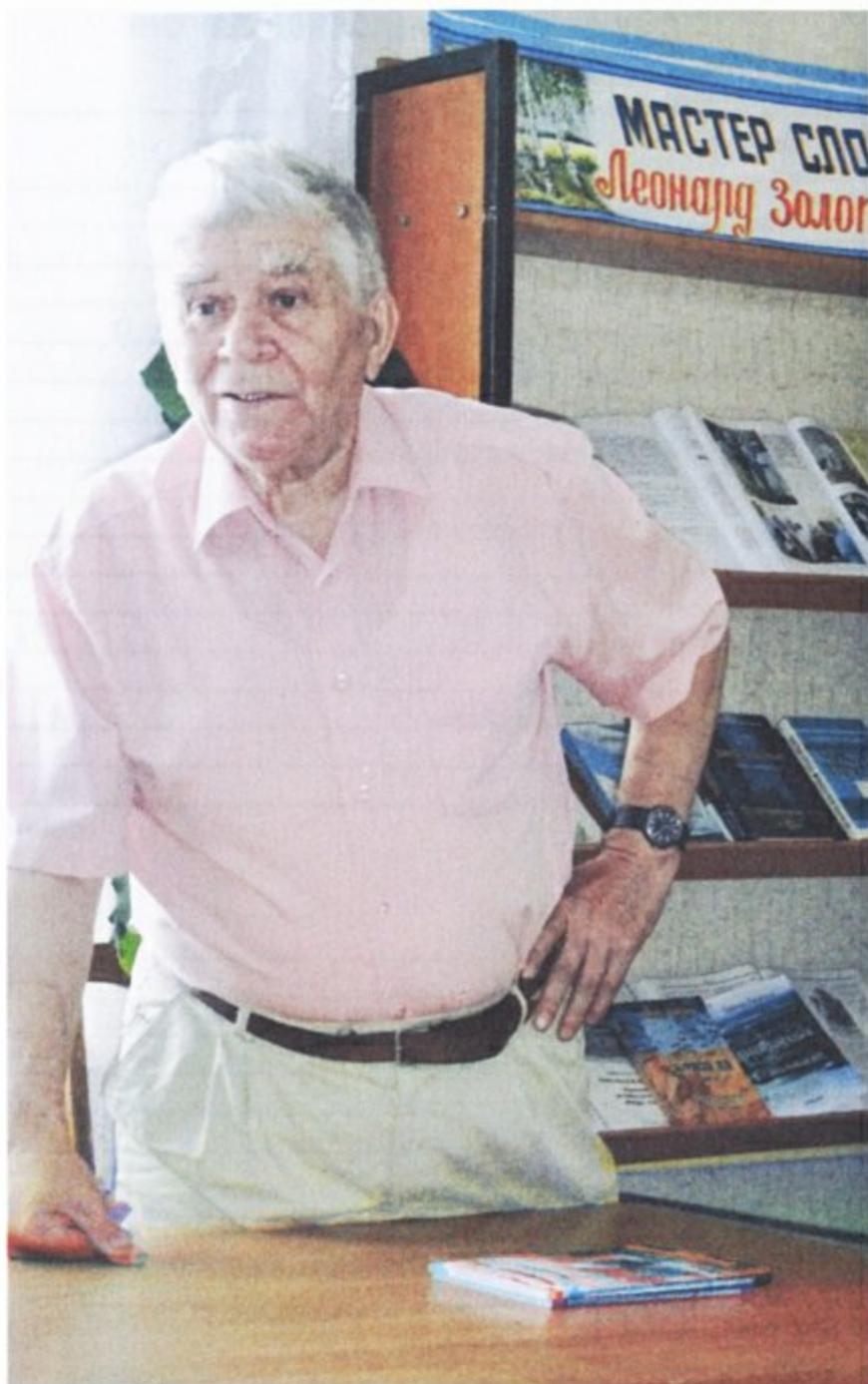
ББК 84(4)
3-81

«Тургенев. Мценский край – жемчужина Орловщины». Фото, стихи и песни Леонарда Золотарёва. Игорь Золотарёв «Две истории на одну тему». – Орёл, 2016. – 60 с.

Книга «Тургенев. Мценский край – жемчужина Орловщины» русского писателя Леонарда Михайловича Золотарёва представляет целую галерею фотоснимков. О Мценской земле, Мценске, выдающихся земляках, о друзьях-крестьянах, о природных, ландшафтных, заповедных местах. Автор воспекает их в своих песнях, стихах, книга получилась зримой, звучащей, яркой, патриотической, глубоко проникающей как в историю, так и в современность Орловщины, в гордость её – жемчужину Мценского края.

Сюда же включена статья Игоря Золотарёва «Две истории на одну тему: «Муму» И.С. Тургенева и «Кокотка» Ги де Мопассана».

© Л.М. Золотарев, 2016

Леонард Золотарёв в библиотеке

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИЯ СЛОВ О МЦЕНСКОЙ СТОРОНЕ

И.С. Тургенев.	
Утро туманное (В пути)	6
Л.М. Золотарёв.	
Ключ камергера	6
Я прилёг на землю... ..	7
Зеленя	8
Сухая Зуша	8
Моя деревенька	9
Иду сторонкой полевой... ..	10
Тонкая яблоня	10
Лечу, лечу на землю с поднебесья.....	11
В Думчино	12
Под Спасским-Лутовиново.....	12
Русский лес.....	13
Одинокая дача.....	13
Стихи Арсения.....	14
Вятичи	14
Прощание с Синяевским	16
Милые, милые	17
Живу у леса, с краю... ..	17

ФОТООКНО

В Синяевском	19
Алёшня	20
Ракитушка	20
«Журавли колесом!»	21
Вот Фет. Вот часть его стиха.....	22
Прощай, Валун!.....	22
А.А. Фет.	
Стихи, положенные на музыку моей души.....	23
И.С. Тургенев.	
К чему твержу... ..	24
И.Л. Золотарёв.	
Две истории на одну тему: «Муму» И.С. Тургенева и «Кокотка» Ги де Мопассана	25

Стихия слов о Мценской стороне

И.С. Тургенев
Утро туманное (В пути)

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первая встреча, последняя встреча,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далёкое,
Слушая ропот колёс непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

Ноябрь 1843.

* * *

Поэзия – Солнце, читатели, люди.
Былого и прошлого весть:
Да здравствует Слово, которое будет,
Но трижды, которое есть!

Ключ камергера
(песня о Спасском-Лутовиново)
Ключ камергера, ключ камергера,
Самый хранимый из спасских ключей.
Крепость орловская, новая эра,
Ключ камергера – свой и ничей.

А ведь когда-то сидели мы в «баньке»,
Были желанны Тургеневу, всем.
Что-то случилось... Да перестаньте!
Всё уповать на финансовый тлен.

Всё пролетит мимо русского гения:
Замки, ворота, монархи и трон.
Только останется ключик к Тургеневу,
Ключ родниковый, малиновый звон.

Утро туманное по лугу стелется,
Утро седое до самых висков.
Да перестаньте же! Даже не верится,
Ключ камергера со скрипом веков.

* * *

Я прилѣг на землю:
Надо мной – берёзы,
Подо мной – зелёная трава,
И винтом до неба
Завинтило слёзы,
По винту до Солнца
Поднялись слова.
Высока берёза,
Только слово выше,
Солнца горячее,
Огненной ланит.
Дай скажу как лучше,
Что из песни вышел,
Дай скажу, что песней
Всё во мне звенит.

Зеленя
(песня)

*Слово, введённое
в оборот речи
Тургеневым.*

Снеговье обоймёт, и с зелёных полей
Понесёт меня к Солнцу в заветные дали.
Я иду, я иду – ветер злее и злей,
Мы горластей ещё не видали!

Норовит под кожанку, в теплушку залезть –
Застудить, опрокинуть, закинуть в курганы.
Обоприся о дуб, – уж такие мы есть.
Переждём, перебесятся старые раны.

Те поля уж не пашут, а те зеленя
Уж, наверно, последние, – экое дело!
Бурьяны, бурьяны ободрали меня,
Когда шёл, где, бывалыча, греча кипела.

Привезут из-за моря, и горюшко с плеч.
Перемелют – и крышка, без всякой мороки.
Променяют на хлеб нашу русскую речь
Да ещё и чужие подсунут пороки.

Ветер рвёт кожанок со плеча моего.
Посижу у костра, пошаманю на тризне.
Натерпелись за жизнь, навидались всего
Зеленя, зеленя, зеленя по Отчизне!

Сухая Зуша

Стояли, ждали на ветру
Автобус сельский.

Бродили мысли поутру
Особо дерзко:
«Деревья умирают – время года
Когда перестают вдруг различать.
Земля – когда для своего народа
Не хочет иль не может уж рожать.
Река – когда не знает, куда течь,
К какой воде стремиться.
А человек – так не способен удивиться...»

Моя деревенька

Шагну за дверь
И упаду в траву.
Автобус тихо скрипнул и ушёл.
А я лежу, а мне тут хорошо.
Зову, зову – ау, ау, ау!
За рощей и родная деревенька.
Дворы мои, затерянная Русь.
Вот постою, передохну маленько,
А там уж как-нибудь и доберусь.

Рюкзак дай сброшу, дух переведу.
«Прешпекты» гладки – жизнь на них крутая.
Иду, иду – «раи» в душе летают,
Концы с концами в мыслях не сведу.

И гром по мне, и пробегают блики.
И пятки в кровь, татарник подо мной.
А предо мной всё пращурь, всё лики,
Все сотни лет на ниточке одной.

Встречай меня, затерянная Русь!
В окошко стукну: «Как оно живётся?»

И каждый раз, как только доберусь,
Боюсь, вдруг радость эта оборвётся.

* * *

Нюре и Ивану Тихоновым

Иду сторонкой полевой –
Ромашки мимо, мимо.
Живые вы, и я живой, –
Вот пережили зиму.

Я целый век не видел вас.
В мороз сжималось сердце:
«А как же, думаю, сейчас
Они там, в Подбелевце?»

Вам в телеграммах слал тепло,
Хоть сам и мёрзнул малость.
И так я рад, мне так светло,
Что всё живым осталось.

Тонкая яблоня

(песня)

Посадил я яблоню прямо под окном,
Поливал водою ключевой.
Выросла, выросла, затенила дом,
Запленила радостью живой.

Катится, катится яблочко моё
По дорожке торной, луговой.
Солнышко, солнышко – красное шитьё,
Закатилось яблочко в него.

Пролился над яблоней нехороший дождь.
Прогремела чёрная гроза.
Дождик-то, дождик-то – чем он не хорош?
Чем горька слезинушка-слеза?

Облетела яблонька под моим окном,
Не дождалась часу своего.
Горестно душеньке, опечален дом
От дождя плохого одного.

Тоненькая-тонкая, вся перед тобой,
Негасима радостью живой.
Яблоньку милую заслоню собой,
Отолью водою ключевой.

* * *

Лечу-лечу на землю с поднебесья
На шорох трав, хлеба в родном краю.
Вы спросите, зачем мне эти песни?
А не скажу, я просто их пою.

Я в хоры до заоблачья взлетаю.
Я – Высоты, я – Красоты хочу!
Всё духом жив, всё в облаках витаю,
Всё молнии зигзагами мечу.

Мне говорят, чего тебе всё надо, –
Весь в шорохах, таинственен покров?
А я, как снег, – как вылетел из сада,
Так падаю и падаю без слов.

В Думчино

У костра голубого, в ночи,
Посиди – помолчи.
Вызываю духов:
– Что скажешь на ухо?

– Да в городе где-то.
Разлили духи –
Французские.
В три зарплаты флакон...

Убеждён:
Духи русские,
А духи те – французские.
Нашептала мне муха
На флакон по три духа.

Под Спасским-Лутовиново

Две липы – две кроны у вешнего сада,
Вплетается в шёпот гобой.
То блюзы, то роки – живая эстрада,
То Рознера джаз голубой.

Качаются скрипки – под веткою с краю.
Под флейту – играют лозой.
И первыми первый удар принимают,
Последними спорят с грозой.

Зелёною музыкой бредит макушка.
Сюжет на макушке двойной:
Повыше с романсом – садится кукушка,
На джаз – соловей озорной.

Русский лес

(песня)

Лес мой – славный, русский!
На тропе на узкой.
Встреть меня, прими меня,
Мой зелёный лес!

Защити, горластого,
От булата властного,
Обниму берёзоньку,
Извернусь, как бес.

Лес – отец мой русский!
При погоде буской
Сына одинокого
Встреть и приласкай.

Много ли мне надо ли:
Чтобы листья падали,
Чтобы кони прядали,
Веселел мой край!

Одинокая дача

(песня Василия из мценской электрички)

Дача моя, дача, ты моя удача.
Солнце закатилось в топотах коня.
Отшумела молодость, старость обознача.
Только и осталась ты, дача, у меня.

Выхожу я из дому, мчусь на электричке
Из большого города, мрака этажей.
Воля моя, волюшка! Степь зажгу от спички.
Выгоню самогоночки – свойской, посвежей.

Русь гуляет прежняя, Русь гуляет – окает.
Русь гуляет – матушка, годы за спиной.
Воля моя, волюшка! Дача одинокая.
Степь моя раздольная, ветерок хмельной.

Стихи Арсения

(из романа в стихах)

Я иду сторонкой полевой
На автобус старенький, со стажем.
Жаворонок шалый, зоровой
Впереди бежит, дорогу кажет.
Провожает в дождик под зонтом
Дай-ка солнце брызнет, рано встав!
Как ты тут же вон куда винтом,
Взмыл наверх, повис, затрепетав!
И, оттуда опевая Русь,
Всё зовёшь, зовёшь в золотую синь,
Дай-ка я с тобой тут напоюсь,
Птах мой! Колокольчик-динь-динь-дин,
Среди им волнуемых равнин.
Васильки с дождями вместе пей.
Песнь одну вдвоём с небес звеним
С высоты о Родине своей.

Вятчи

Как от молнии вздрогнет, очистится сердце, –
Упадёт в людях слово, аж пыль зазвенит
Где-нибудь в электричке, автобусе сельском, –
И всего откровеньем тебя озарит.

Языкаст мужичишка, язычник с рожденья.
Непритоптанным словом возвысится вдруг.

Тут жуёшь, как с ножа. Тут живёшь с его тени.
Он мне Вятко, он вятич, соратник и друг.

Оба вятчи мы, оба древнего рода,
С побережий Оки, их языческий грех.
И в обоих хранима кровинка народа,
Что кострища свои сберегал дольше всех.

И, когда на коне, очеканенный, мерный,
Киев стольный явился с мечом и крестом,
Он цеплялся, мой край, за обломки той веры,
Что была рождена не на месте пустом.

И приходит весна. И играют веснянки.
Вновь по душу живую гремит соловей.
Соловей, соловейко! Сиж у дуплянки,
Под могучую песнь поджидаю людей.

Я иду с ними в ногу по вещей дороге.
Я глотаю слова из травы, из огня.
Помогите же мне, наши первые боги,
От беспамятства дней оградите меня.

Проведите, промерьте широкою степью,
По Руси молодой расстелите платком.
Расстелюсь, обновлюсь этой великолепью
И уйду, и уйду далеко-далеко.

Вот с родней и роднюсь, что забыть не сумели
Своё древо, пракорень в заветном краю.
Соловей из лесной, из разбойной артели,
Мой языческий дух, – грянь октаву свою!

Прощание с Синяевским

(песня)

Дорога меня на горку вела,
Любила меня, вольнодумка!
Глубокая осень, а тут расцвела
Ромашка белая, сурепка мала
И даже почтовая сумка.

А там золотые метёлки берёзы,
Иной по макушкам их климат.
Прощай, мой Синяевский! Скоро морозы
Тебя любовно обнимут.

Прощай, моя хата! И Пюра с Иваном!
И лес – пустычок, Арендный.
Туманы с обманом, грибки по полянам,
Дожить до того бы Покрова.

Высокое место. Будь Наполеон,
Ареной бы стало всё сквозь.
«Билайн» мой до самой Москвы пронесён
До Лобного места, до звёзд.

Но все это частности, так, миражи...
Мы спим, нас давно уже нет.
Чуть в сторону – Африка, зарубежи,
На стенке зелёный портрет.

Кресты по крестам. Но про это – молчок!
Не торкай, почтовая сумка!
Глубокая осень, а тут паучок.
Дорога вела, в паутины брала.
Любила ж меня, вольнодумка!

Милые, милые

*Русским женщинам
посёлка Синяевский*

Наши мамы когда-то копали поля.
Поднимали лопатой Россию дернистую.
Было им, нашим мамам, не до соловья,
Что сейчас имена их старался, высвистывал.
Дарья – из-под Прилеп, Катя – хата с конца,
Ольга, какой уже нет, и Ариша Калымова...
Я колена считал у него, стервеца.
Как он бил, разорвался в зароссе малиновой!
Отцветали сады. И, горланя за двух,
Дожигая сады эти, белые, стылые,
Соловей вдруг сказал: «Милый друг, милый друг!»
Повторил ещё явственней: «Милые, милые».

* * *

Живу у леса с краю,
С полями говорю.
И сам себе стираю,
И сам себе варю.
Моя изба старушка,
По стенке – повитель.
Считает дни кукушка,
А ночи – коростель.
Гнездо над головою,
Трава у моих ног.
Глаза едва закрою –
Слуга себе и бог.
Такой же изначальный,
Ровесник всей земле.
То тихий и печальный,
То чуть навеселе.

Раскатываю громы,
 Поля водой пою.
 Бывает, агрономы
 Придут в избу мою:
 «Ну, как живёшь, Михалыч,
 Как дышится тебе?
 Чего там напахали
 Плугами по судьбе?
 Откуда всяких мошек
 Над нами целый рой?
 Куда людей хороших
 Уносит стороной?
 Какие синь – туманы
 Полощут край земли,
 Покуда сны – обманы
 Мерещатся вдали?
 И как все эти дали
 Меняет влажный фронт?
 Чего мы напахали
 По самый горизонт?..»
 Сижу и стол качаю,
 Слова кручу-верчу.
 И громом отвечаю,
 И молнии мечу.
 И от раздумий жгучих
 Всего бросает в жар.
 Под яблоней могучей
 Клокочет самовар.
 Живу у леса с краю,
 С полями говорю.
 И сам себе стираю,
 И сам себе варю.

**Памятник
И.С. Тургеневу.**

В центре Мценска. Летящий ангел, муниципальные часы.

В центре Мценска. Торговые ряды.

*Мценск. Железнодорожный вокзал.
Сюда приезжали и отсюда уезжали великие земляки и гости
(И.С. Тургенев, А.А. Фет, скульптор Б.И. Орловский и др.).
Отсюда же Л.Н. Толстой отправлялся в Кочеты
по Новосильской дороге к своей дочери Татьяне Сухотиной.*

Мценск. Хлебозавод, проходная. К горячему, свежему хлебу.

Восточная окраина города. Завод «Коммаш».

В центре Мценска. Магазин для детей.

Многоэтажники верхнего города – района «В», т.н. «БАМа».

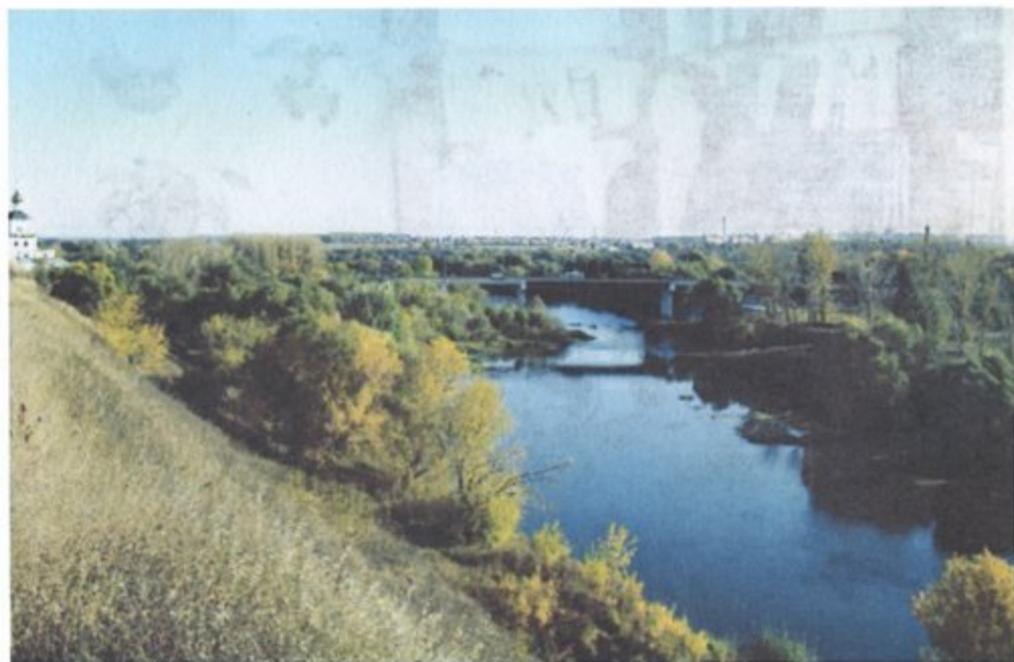
Терем-теремок. Кто в тереме живёт?

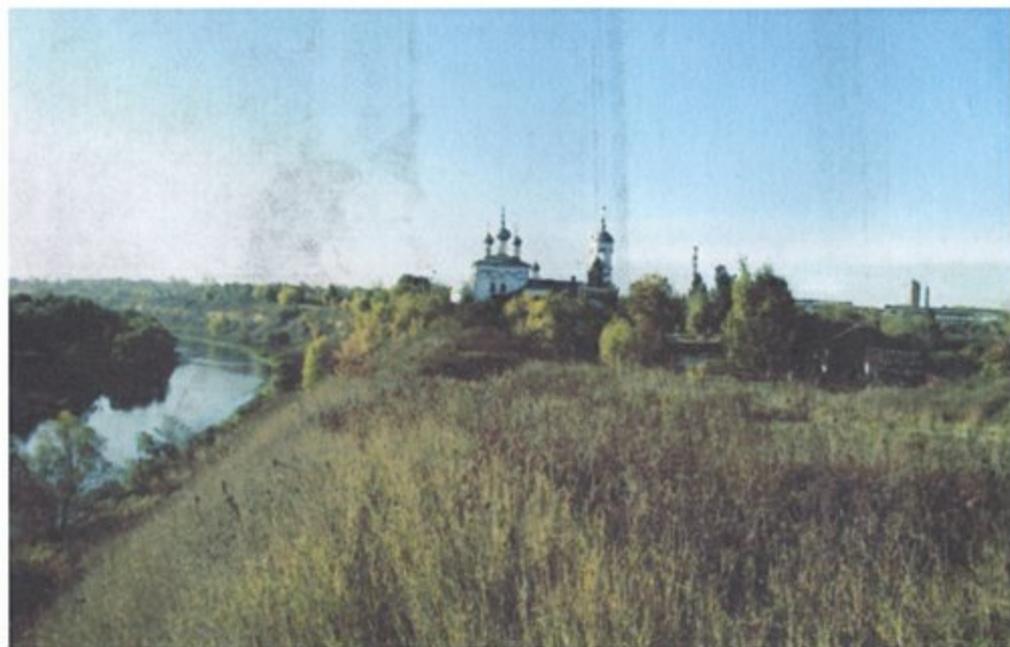
В Центральной районной библиотеке имени И.С. Тургенева. Прeжний директор библиотеки Татьяна Фёдоровна Максимова со своими девочками. В читальном зале.

*Уютный уголок города. Парикмахерская «Клеопатра».
Добро пожаловать! Стрижем и бреем – первый сорт.*

Река Зуша. Вдали по горизонту – Мценск.

*И над откосом Храм
Пресвятой Богородицы
(Петропавловский).*

*А это уже осень во Мценске.
Грачи улетели, задержалась
всего одна пара.*

«О Русское поле, родная земля!» – думает, глядя на любимые места глава района Иван Александрович Грачёв.

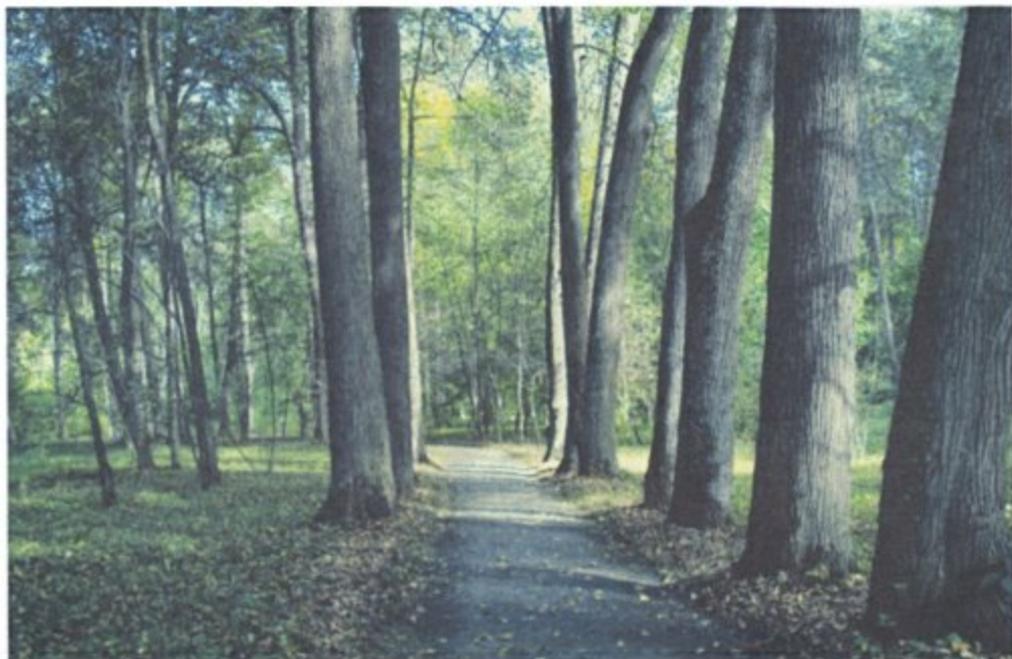
А это взгляд – на Запад. Далеко в сторону Тельчья, когда-то оттуда сюда явились вятичи.

Тут, на высоком месте, православной крест, памятный знак «Скит святого Кукши». Рядом родник, испокон веков место паломничества. Именно тут миссионеры: монах Киево-Печорской лавры Иоанн Кукша со своим учеником Никоном, – 24 августа 1113 год приняли мученическую смерть во имя православной Руси. Скит, выходит, старше самого Мценска (1146).

Ока в Карандаках бурлива, говорлива у бывшего моста, чуть ниже впадения Зуши.

Спасское-Лутовиново. Средняя аллея, изображающая XIX-й век.

Усадебный дом Тургенева.

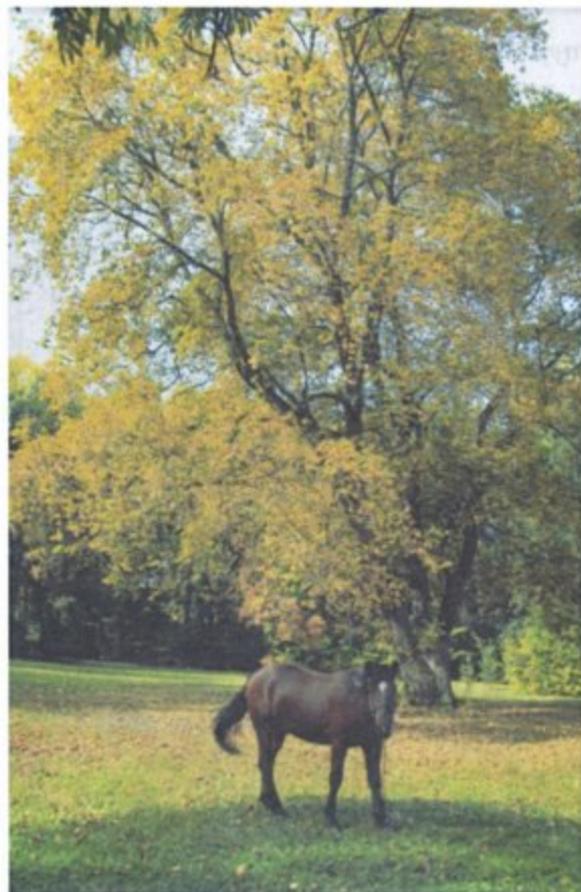
Полуподкова. Продолжение тургеневского дома в правую сторону – к Дубу, пруду Савиной.

«Флигель изгнанника».

*«Банька», где в праздники
засиживались, бывало, за
разговорами, со стихами
да песнями писатели-со-
временники.*

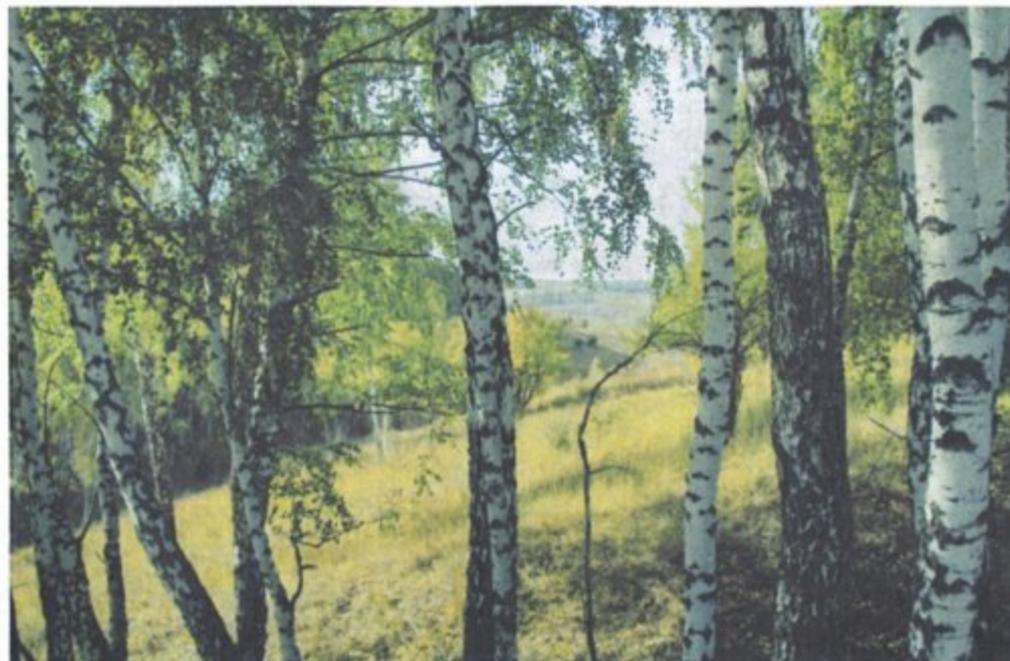
*На хозяйственном дворе.
Конёк-горбунок.*

*Стихия Воды. Колодец с малиновой водой.
Эту воду амчане всё пьют и пьют.*

Мостик у пруда Савиной.

*Новосёлки.
Фетовские берёзы.*

*Плита с барельефом
А.А. Фета.
Тут традиционно
проводится Фетовский
праздник. Читаются
стихи, звучат романсы,
в луга и доли веет
прекрасное русское слово.*

Фетовская поляна. Народные гулянья. «Праздник за околицей».

А это известный на всю округу баянист Виктор Викторович – агроном из Подбелевца. Вот какой темперамент! Поневоле бросишься в пляс. Мы в посёлке Синяевском с французуженкой Моник Пайар из бунинского Грасса.

*«Гармонь, гармонь, родимая сторонка – Поэзия родимых деревень».
Пляшут люди от души, песни очень хороши. Крестьяне-друзья наши
Тихоновы Иван да Нюра из посёлка Синяевский.
Фото с памятью о Нюре.*

*Синяевские места. «Дяди Васина дорога».
Вид на Зушу у «Лыковской ГЭС».*

*Синяевские места. Пойменный луг по речке Алёшне.
По лугу – овцы, за лесом – деревня Проказинка.*

Брод через речку Алёшню. Как раз подошла отара овец.

*Дом артиста
Василия Ланового.*

*«Две берёзы за хатой
моей деревенской».*

*Агитбригада в Первом Воине: Добро пожаловать!
На Родину композитора В.С. Калинникова. По дороге на усадьбу
П.П. Новосильцева, где в разные годы бывали Л.Н. Толстой,
И.С. Тургенев, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, А.Н. Апухтин и др.*

На усадьбе Новосильцева. Декоративная решетка (фрагмент).

Там же. Каменная девочка.

А это другой край мценской музыкальной звукописи – Алябьево, алябьевская школа, где в старинном парке особенно голосисты алябьевские соловьи.

*Это мы с Фетом на Фетовском празднике поэзии.
Первые слова мои, помню, были:
«Мценский край – жемчужина Орловщины».*

*Вот на портрете сам поэт Афанасий Афанасьевич Фет.
И за столом – узнаете кто? – «когда мы были молодыми»,
а Фет всё также бородат.*

«Когда мы были молодыми», и были мы в гостях у Фета.

*На эстраде нас, помню, сменили народные хоры –
высокинские певуны-бабушки, спасско-лутовиновский хоровод.
Ой, роза ты, роза моя!
Ой ты, роза белорозовая!*

*«Когда мы были молодыми»,
И это мы, а это я,
И это все мои друзья –
Из Орла и Подбелевца.*

Ключ камергера со скрипом веков

В Синяевском

Собирал чемоданчик с собой на вокзал,
С глаз долой захотелось уехать.
Чтобы там не скучалось, суму привязал.
А к суме привязал ради смеха
Лес берёзовый и его эхо.

Постоял-постоял, поглядел я на лес,
А потом и на свой чемоданчик.
Ну, какой это лес, – забодай его бес!
Без ключа, как ковбои без ранчо,
Дон Кихот без любезного Санчо?

Положил я в суму весь хрустальный ручей,
А к ручью приложил и ракиты.
Пусть шумит мой ручей, шум покуда ничей.
Пусть ракиты лозою повиты,
По сю пору люблю их, мы квиты.

Я свой груз приподнял – ничего не сказал,
Но подумал, а как же без поля?
Как без поля уеду на этот вокзал?
Покачал головой и ещё привязал
К чемодану сумищу поболее.

Ну, а между, от края, где поле и лес, –
Моя хата окошком к соседу..
Приподнял чемодан, – забодай его бес!
Неподъёмный! Ни завтра, ни в среду –
Я теперь никуда не уеду.

Алёшня

(песня)

Алёшня в пойме, травяной настой.
Страна раки в берёзовом краю.
Купался тут когда-то Лев Толстой,
И я в воде по самую шлею.

Я – русский конь в упряжке ременной.
Воз с перемётом затянуло в речку.
Какой там пряник, кнут вневременной!
Как дёрнут – оборвут, боюсь, уздечку.

Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться.
Пока мы живы, Бога не гневи!
Пока мы тут, что нам Босфор и Ницца!

По всей Алёшне от берёз светло.
По всей долине тянется туман.
Неси, Алёшня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан.

Ракитушка

(песня)

Край ты мой ракитный, лунь зеленоглазый!
В серебре макушка, хлопоты в гнезде.
Не о том мечталось, что случилось сразу.
Не того хотелось, что теперь везде.

Выше сеновала сук облюбовала
Вещая кукушка – эхо по реке.
Тысячу просил я – сто накуковала,
Ну а та упала на седьмом витке.

Бурею ракиту с берега свалило.
Вот стою – горюю: «Берег-то крутой».
Как её любил я, как она любила!
Замирает в сердце голос золотой.

Недошелестели все мои метели.
Ненацеловался, а уже седой.
Гляню с сеновала – нет её, не стало!
Уж другие птицы вьются над водой.

Край ты мой расейский, лунь зеленоглазый
Берегом иду я в рыжем кожане.
Что запало в душу, не уходит сразу.
Вётлы да ракиты клонятся ко мне.

«Журавли колесом!»

(песня)

Две берёзы за хатой моей деревенской.
Шорох жоравлей с неба, золочёные синь-купола.
Осень-осень в сторонушке нашей амченской,
Что-то жуткое в этом концерте-гала.

Всего семеро в нити, перетянутой кликом,
Величаво летят над моей головой.
А, бывалыча, клином проходили великим,
Оглашая окрест серебро над молвой.

«Журавли колесом!» – им во след тут кричали,
Возвращая обратно, проявляя желанье и пыл.
Ведь кого-то встречали и кого-то венчали.
Кто-то где-то кого-то когда-то любил.

Что случилось? Кто выпал из мистерии клина?
Завернулась струна острым в сердце моё.
Не катит «колесо», как бывалыча, длинно,
Да и просто уже откатило своё.

Две берёзы за хатой моей деревенской.
Ледяные – стоят, в чём их матушка Русь родила.
Вот уже и декабрь, в этой теме осенней, амченской.
Серебро на висках в этом жутком концерте-гала.

* * *

Вот Фет. Вот часть его стиха.
Вот Шуберт, муза моя, мрия!
««Ave Maria! Ave Maria!»
Горит лампада, тиха.
В сердце готовы четыре стиха.
Чистая дева, скорбящего мать,
Душу проникла твоя благодать.
Неба царица, но в блеске лучей,
В тихом предстань сновидении ей!
Ave Maria – лампада тиха,
Я прошептал все четыре стиха».
Он кончил петь, не шевелился.
И Фет молча, и он молчал.
Листок сухой о сердце бился.
Да и разбился о причал.

* * *

(Отрывок из романа в стихах)
Прощай, Валун! О'кей, малышка – речка!
И ты, мой лес! И поле – волчья сыть!
Конец-то вот уж – первого романа.

Но прежде, чем уйти с экрана.
Хоть на момент, на перерыв какой,
Благодарю деревню за покой,
За это лето треволнений, гонки.
О как я пел, трещали перепонки!

* * *

Шаги Командира. Шаги по Москве,
Где бабою сваю вбивают.
Валун мой! Луница, роса по листве –
Опять с Водолеем играют.

Все каменны, каменны, каменны груди.
Тут нам по заслугам и честь.
Да здравствует Солнце, которое будит,
Но трижды – которое есть!

А.А. Фет

**Слова, положенные на музыку
моей души**

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нём цветов благовония пышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, –
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастью сердце легко предаётся:

Мне близ тебя хорошо и поётся.
Свеж и душист твой роскошный венок.

1847

И.С. Тургенев

В музыке моей души

К чему твержу я стих унылый,
Зачем, в полночной тишине,
Тот голос страстный, голос милый,
Летит и просится ко мне, –

Зачем огонь немых страданий
В её душе зажжёт не я...
В её груди, в тоске рыданий
Тот стон звучал не для меня.

Так для чего же так безумно
Душа бежит к её ногам,
Как волны моря мчатся шумно
К недостижимым берегам?

Декабрь 1843

Игорь Золотарёв
Две истории на одну тему:
«Муму» И.С. Тургенева
и «Кокотка» Ги де Мопассана

В 2018 году будет отмечаться 200-летие великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Во Франции, Германии, Канаде и других странах созданы комитеты по празднованию его юбилея. Тем более на родине писателя, где в Тургеневском музее подготовка к юбилею идёт полным ходом. Устанавливаются связи с ассоциациями писателя в других странах, намечаются общие мероприятия. В музее проводятся встречи с читателями, проходят выставки, концерты, читаются лекции. В День памяти Тургенева, в начале сентября, на Дворянском гнезде собирается общественность города, преподаватели и студенты вузов, музейные работники. Звучат романсы, стихи современных авторов, исполняются тургеневские произведения. В рамках вышесказанного написана статья, посвященная предстоящему событию.

Рассказ «Муму» был создан Тургеневым в 1852 году в Спасском-Лутовиново. Жизнь в имении, в недрах своего народа, воспоминания о матери, семейные предания послужили Тургеневу богатым материалом для рассказа. Примечательна подлинная история немого крестьянина Андрея, взятого Варварой Петровной Лутовиновой дворником к себе в Москву. Тургенев вспомнил необычную историю и написал рассказ, опираясь на факты из жизни, показав, как важна верность правде, жизненным реалиям. Главная цель для писателя состоит в утверждении силы человека из народа. Даже барыня инстинктивно чувствует величие и мощь его стихийного протеста, его человеческое достоинство.

Ги де Мопассан был своеобразным, талантливым последователем И.С.Тургенева. Мопассан называл Тур-

генева своим «мэтром», особенно в области реалистической фантастики. Наша статья посвящена рассказу Тургенева «Муму» (1852) и новелле Мопассана «Кокотка» (1881). Новелла французского писателя, безусловно, была навеяна тургеневским рассказом «Муму» из «Записок охотника», которые Мопассан знал и любил. Несмотря на схожесть сюжетов в обоих произведениях, мы видим неповторимое лицо каждого из писателей, отражающих менталитет своего народа. У Тургенева человек земли находится в неестественных городских условиях, у Мопассана – человек в прагматическом обществе испытывает влияние иррациональных сил. На примере двух историй из жизни животных художники слова совершенствуют реалистический метод, способствуя движению литературы к новой эстетике, углубляющей и усложняющей психологическое исследование человека.

Творческие и личные контакты Тургенева и Мопассана (Мопассан часто бывал у Тургенева в Буживале) способствовали духовному сближению французского новеллиста с идеями русского писателя. В чём же состояли эти идеи? Почему Мопассан взялся за написание «Кокотки»? И что читатели видели у самого Тургенева в рассказе «Муму»?

Тургеневский Герасим, русский богатырь в «красной косоворотке», выделяется из дворни московской барыни. Это совестливый, прямой, трудовой человек, однако он не может вслух выразить себя людям, Герасим от рождения немой. Его внутренний мир определяет любовь к живому на земле. Само имя тургеневского героя значаще, Гера ассоциируется с Гераклом. Известно, в древние, ещё доисторические времена собака оберегала человека от пещерных медведей. По Жану Жаку Руссо, естественное природное чувство привязанности к животному миру – врождённое, наследственное качество, полученное человеком от предков, оно записано на «жёстком диске» памя-

ти. Подобно Гоголю, Тургеневу было свойственно мифологическое ощущение бытия. И вот тургеневского Герасима заставляют физически лишить жизни собаку, ставшую ему другом. Убить самое дорогое для него существо естественно для натуры Герасима. Заявить же об этом Герасим не в состоянии. С детства привык он к полевым просторам, крестьянскому труду. «Отчужденный несчастьем своим от общества, людей, он вырос немой и могучий, как дерево растет на плодородной земле. Переселенный в город, он не понимал, что с ним такое делается».

Тургенев рисует картину очеловеченных отношений Герасима с собакой по кличке «Муму». Трогательны сцены, когда герой спасает тонущего щенка, затем выхаживает его, как ребёнка. Собака становится полноправной хозяйкой в каморке Герасима. Она сторожит его немудрёный скарб, никого не впускает в жилище Герасима. И Герасим от всей души жалеет Муму. Муму разделяет его одиночество, скрашивает безрадостное существование. И вот жестосердная барыня приказывает согнать Муму со двора, ночами собака не даёт ей покоя. Сцена прощания Герасима со своей любимицей полна внутреннего трагизма. Герасим приводит Муму в трактир, заказывает ей щи, крошит туда мяса и уже затем вывозит в лодке далеко за город. Он должен исполнить жестокий приказ барыни: утопить собаку.

На Международной Тургеневской конференции, посвященной 180-летию писателя, исследователь А.Н. Иезуитов называет тенденцию обогащения реализма «философией взаимодействия», когда необъяснимое в самом человеке может быть осмыслено только через взаимодействие материального и духовного, являясь отображением их взаимовлияния. Тургенев сопрягает реальное, конкретно-историческое содержание с планом вселенским, универсальным, обращается к общечеловеческим ценностям,

желая уловить отблески высшей реальности в динамичной действительности. В.Н.Топоров отмечает приступы тоски, преследовавшие Тургенева до последних дней жизни. «Нередко это переходило в страх и даже ужас, в основе которого лежало соприкосновение с «космическим», с беспредельностью, угрожающей растворить в себе все «привычное, земное». Исследователь правомерно утверждает, что за видимым Тургеневу открывался иной, недобрый мир как бесспорная реальность, вызывающая мучительные страдания. Тургенев пытается утвердить человека в абсолютных, естественных законах природы, в драматических внутренних коллизиях.

Насилие над Герасимом, олицетворяющим стихию земли, разрушает в нём естество, неразрывно связанное с миром природы, в частности, с миром животных. Без Муму Герасим лишается нормальной человеческой жизни, теряет законное, врождённое право на жизнь в естественной природе. Тургенев затрагивает невероятные глубины подсознания, поднимает целые пласты человеческой психологии. А.И.Батюто верно отмечает: «Эта скоротечная <...> истина неизбежно грешила бы известным эмпиризмом, не обладай Тургенев даже при его огромном изобразительном таланте и человеколюбию глубоко философским мышлением, неизменно включавшим как будто обычные и психологические явления своей эпохи в вечный поток мировой жизни».

Тяга к собаке, этому живому существу из мира природы, сдерживает хаос в душе Герасима. Исполнение каприза барыни означает в нём крах всего земного, вечного, это грозит выпадением из «жизни всеобщей» (Тургенев), неминуемой гибелью. Мир людей и мир животных едины, нерасторжимы. И потому «мы обязаны быть в ответе за того, кого приручаем» (Антуан де Сент-Экзюпери). После насилия над собой в знак про-

теста Герасим порывает с двором московской барыни и возвращается в деревню – в среду своего прежнего, естественного обитания. После стольких лет несвободы Герасим опять на земле, среди родных просторов. Он снова берётся за косу: «Размахнись плечо шире дедова!» (А.В. Кольцов). Неестественная городская обстановка не смогла испортить чуткую, одухотворенную натуру Герасима. Возвращая своего героя в свободную стихию природной жизни, Тургенев применяет в изображении антропологические принципы, прекрасное в человеке писатель видит вне социальных условий.

Трогательно описание гибели собаки и совсем немного сказано о смерти барыни, как бы получившей кару небесную. Эмоциональный настрой тургеневского рассказа придает уверенности в том, что лучшие качества в человеке неистощимы, ничто не может остановить естественный поток мировой истории. Таков пафос тургеневского рассказа.

Мопассан ценил Тургенева как мыслителя, художника слова. Общаясь с русским писателем в последние годы его жизни, французский новеллист развивает тургеневские идеи реалистической фантастики. Рассматриваемая новелла «Кокотка» выходила в свет также под названием «История собаки». В газете «Жиль Блас» она была опубликована в 1883 году и называлась «Мадмуазель Кокотка».

Экспозиция с начала до финала событий в этой новелле имеет причинно-следственную связь. Рассказчик узнает от доктора-психиатра историю одного из пациентов. К Франсуа – возчику при богатом хозяине – пристала бродячая собака. Франсуа приютил её на вилле, где сам был слугой. Вскоре целая стая псов закружилась вокруг похотливой Кокотки. Франсуа топил щенят, оставляя всегда одного, чтобы у собаки «сошло молоко».

Собачьи своры усилили свои притязания. Подобно тургеневской барыне в «Муму», владелец виллы приказал слуге избавиться от беспокойной особы. Франсуа отправил собаку куда подальше, однако Кокотка вскоре вернулась. Приходящие псы ещё больше стали беспокоить обитателей виллы. Франсуа пришлось крепко задуматься над словами хозяина. Если собака останется, Франсуа вряд ли придётся сохранить своё место. Эпизоды с щенятами, которых постоянно топил Франсуа, напоминают есенинскую «Песнь о собаке». Действительно, сюжет не нов, однако как выражено это у русского поэта? Потеряв утопленных щенков, по-человечески, как тургеневский Герасим, глянула собака – мать на Луну, и – «покатились глаза собачьи золотыми звёздами в снег». Живые, человеческие слёзы – это мост в нерасторжимость двух миров, акт неразрывной любви человека и животного.

От переживаний Франсуа заболел. Стресс доводит Франсуа до галлюцинаций, по ночам он стал видеть Кокотку, слышать её неистовый лай под окном. Временами ему начинает мерещиться, как собака лижет ему руки, Франсуа постоянно ощущает её у себя за спиной. Это в новелле – первый, бытовой план. Второй, фантастический план указывает на вторжение иррациональных сил во внутренний мир человека. Видовые и слуховые галлюцинации свидетельствуют о том, что Франсуа не выдерживает испытаний сверхъестественным. Угрожающие сны подтверждают существование потустороннего, инобытийного мира, грозных «таинственных» сил. Мопассан разворачивает картины жутких психологических аномалий. Природа фантастического в новелле характеризуется как функция пережитого «эксперимента», а не является ссылкой на сверхъестественное, которое вмещивается в обычный, реальный мир человека. Целый месяц после приказа хозяина Франсуа чув-

ствовав себя разбитым, психически неустойчивым. Мопассан обладал искусством внушать чувствительному читателю испуг, страх, заставлял дрожать его вместе с собой. Писатель обладал целым арсеналом средств для изображения всевозможных фобий. Сверхъестественное нуждается в вере, которое подогревается в новелле тем, что рассказчик с самого начала заявляет, что эта история правдивая с начала до конца.

В этой новелле, как и в других фантастических произведениях французского автора, существует фантастика, вызываемая «смутным» сознанием индивидуума. Мопассан изображает всё так, чтобы читатель поверил в истинность происходящего, а не рассматривал автора исключительно как мастера художественного изображения. При патологии картина усиливается, пределы психики расширяются до бесконечности, демонстрируя новое иррациональное состояние организма. Применяя фантастическое Мопассан, становится писателем тревоги, страха. Его новеллы – это страницы, вырванные из повседневности, из которой незаметно удаляется реальное в пользу воображаемого, где мир, потерявший равновесие, отдаётся злым сверхъестественным силам. В финале новеллы спустя какое-то время Франсуа встречает труп собаки, плывущий по реке возле Руана. Что это – случай, роковое стечение обстоятельств, вмешательство сверхъестественных сил? Психика Франсуа потрясена. Он воспринимает это как кару небесную. Это объясняет его нервное заболевание, и автор снова повторяет, что эта история – истинная правда и сам называет эту встречу с собакой странной, чудом. «То была огромная дохлая собака, раздувшаяся и облезлая; она плыла по течению лапами вверх <...> Он описывал круги на воде, держась на почтительном расстоянии от громадного, уже разложившегося животного <...> Внезапно

он замолчал и начал приглядываться к трупу <...> Мертвая собака опять нашла своего хозяина в шестидесяти милях от их дома». Используя клинику, слушая лекции по медицине, Мопассан обладал достаточным уровнем знаний, чтобы сохранять дистанцию между собой и героями реальными и фантастическими, где властвует сверхъестественное, необъяснимое.

Главный персонаж топит собаку с камнем на шею где-то под Парижем, а встречает её в виде раздувшегося трупа, плывущего по течению Сены, уже где-то в окрестностях Руана. Ужасный эффект с неправдоподобными комбинациями делает событие страшным, невероятным. Почва уходит из-под ног, разум цепляется за реальное, понимая, что путь в неведомое – это путь дискомфорта, личной опасности. Натуралистическое описание увиденного собачьего трупа свидетельствует о вторжении сверхъестественного в судьбу героя. Налицо параллель со стихотворением Ш. Бодлера «Падалъ», где описана павшая лошадь. Придавая роковой, неестественный колорит сцене, Мопассан показывает, как Франсуа неистово ныряет вокруг дохлой Кокотки. Как и у Бодлера, ужасна сама смерть, представляемая уже не в виде призрака, в воображении, а чётко, наяву. Образ смерти становится у Мопассана жутким, отвратительным до фантастичности. Безобразное подталкивает происходящее к потустороннему, невероятному. По мнению французского исследователя М. Бари, фантастические новеллы Мопассана отличаются от других произведений писателя. Одни из них имеют рациональное объяснение, другие посвящены исследованию иррационального. В рассматриваемой новелле «Кокотка» мы видим необъяснимый, фантастический случай. Речь идёт не об обыденной действительности, хотя герой помещён в эмпирический кадр. Хрупкая граница между необычным и обычным, даже при-

вычным делает Франсуа психологически неустойчивым, подверженным воздействию инобытийного. Странная встреча с раздувшимся в реке трупом животного не объясняется никак, в том числе и клинически.

В новелле «Кокотка» Мопассан показывает человека с нездоровой психикой. Однако пациент изображён так, что патология рассматривается, скорее, как «смутное» (Тургенев), невероятное в сознании человека, слитное с фантастическим изображением. Фантастическое до сих пор вызывает у некоторых исследователей сомнения в реальности его существования. Создавая новеллы о глубокой тревоге, страхе, даже безумии героев, Мопассан брал многие темы из повседневности. В той же «Кокотке» писатель показывает столкновение персонажа со сверхъестественными силами, демонстрируя «чудо-вищное» (М.Бари) в обычной, порой даже привычной реальности. Кокотка столь привлекательна для псов всех возрастов и пород, столь сексуальна, что медицина не может объяснить этот феномен. Невероятным из области потустороннего является и то, что труп собаки возникает перед Франсуа в определённое время и в определённом месте, а именно, когда в окрестностях Руана появляется сам Франсуа.

Применяя современные знания в области клиники, психологии, Мопассан в своих новеллах сгущает краски в изобразительных средствах. Автор показывает невыносимые переживания, смущающие сознание, с помощью такого эффективного художественного приёма, как фантастика. Фантастические новеллы писателя разнообразны по своей выразительности. В одних произведениях действие ведётся от первого лица, в других – от второго («На воде», «Страх»), в иных – от третьего («Кокотка», «Таверна»), некоторые сюжеты представлены как дневники («Орля»). Писатель классифициру-

ет свои фантастические произведения то как сказки, то как новеллы, то как необыкновенные истории. Иррациональные силы, существующие в подсознании, в конце концов, доводят Франсуа до надрыва и душевного потрясения.. Ужасное, сверхъестественное, воздействует болезненно, в первую очередь, на восприимчивого, остро реагирующего человека. Писатель хорошо изображает это во второй половине новеллы. Действие тут можно объяснить двояко: как реально, естественно, так и «странными», сверхъестественными причинами. Читатель должен выбрать одну из версий: или это обман чувств, иллюзия, результат воображения, или же, как в этой истории с собакой, тут показано случайное совпадение обстоятельств, и тогда законы мира остаются неизменными. Если событие действительно произошло, оно является составной частью реальности. Но такая реальность тоже подчинена законам, хотя и другим – «тайным», неведомым, которые не познаваемы, однако существуют в самом деле, в реальной действительности. Фантастическое пребывает в сознании, пока сохраняется неуверенность. Как только выбирается тот или иной ответ, человек, обретая себя, покидает сферу фантастического.

Новелла Мопассана о человеке и собаке проникнута атмосферой «биофантастического». Она представляет собой обращение к сложному духовному миру, безграничные пределы которого помогают исследовать подсознание, тайны психологии, инобытийного, чтобы в дальнейшем можно было использовать знания вселенских законов во благо человечества. Через воображаемое писатель разворачивает не только картины страха, но и собственные фобии. Сверхъестественная сила вторгается во внутренний мир человека, который становится беспомощным из-за несоизмеримости свер-

хъестественных сил с реально существующим миром бытия.

Оба произведения – тургеневский рассказ «Муму» и новелла Мопассана «Кокотка» – близки по тематике. Тургеновым изображен психически здоровый человек с врожденным физическим недостатком. У Мопассана психика человека, подверженного воздействию сверхъестественных сил, не выдерживает душевного потрясения. Его странная встреча с чудовищным фантастическим миром доводит его психику до болезненного состояния. «Муму» Тургенева и «Кокотку» Мопассана условно можно представить как некое единство. Если у Тургенева это изображение первого, бытового плана, Это реализм, то у Мопассана во втором, фантастическом плане просматривается рок, воздействие иррационального, это уже фантастический реализм. А вместе оба произведения создают в реализме как бы «двуплановый» реально-фантастический комплекс, способствующий более углубленному прочтению внутреннего состояния человека.

Как видим, в рассказе «Муму» Тургенева Герасим представляет естественного человека. Его поступки объясняются переживаниями, показанными реалистически, то есть с помощью мотивации средой, чувствами, социальными отношениями. Что касается Мопассана, то, по мнению исследователя М. Бари, он несёт в самом себе демонов. Безумие может возникать в человеке, когда он одинок. Тогда и стены, и двери, окно, кровать, стулья, рождая страх, становятся для него источником ужасного существования. Таков Франсуа – герой новеллы «Кокотка», изображённый Мопассаном с помощью фантастического реализма. Герасим в «Муму» Тургенева – это цельная, гармоничная натура, несущая жизнеутверждающее начало, существующее в глубинах русского народа.

Автор фотоснимков, стихов и песен

Леонард Золотарёв

**ТУРГЕНЕВ.
МЦЕНСКИЙ КРАЙ –
ЖЕМЧУЖИНА ОРЛОВЩИНЫ**

фотокнига

Корректурa автора.

Фото на первой обложке:
картина «Тургеневский дуб»
Жанны Травинской.

Фото на второй обложке:
гвардейский танк-кантемировец на подступах к Мценску

Отпечатано в ООО «Новое время»,
ул. Итальянская, 23.
Заказ №489. Тираж 300 экз.

